

РАЗГОВОРНО-ПРОСТОРЕЧНАЯ ЛЕКСИКА
В МАТЕРИАЛАХ К СЛОВАРЮ РУССКОГО ЯЗЫКА... В.И. ПРАХОВА
– РОССИЙСКОГО ФИЛОЛОГА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

COLLOQUIAL LEXIS IN UNPUBLISHED MATERIALS
FOR AN EXPLANATORY RUSSIAN DICTIONARY BY V.I. PRAKHOV
– A RUSSIAN PHILOLOGIST OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

ВЛАДИМИР МЯКИШЕВ

ABSTRACT. This paper addresses the lexicographic work of V.I. Prakhov, who was a Moscow University graduate and a successful teacher in the 1830s and 1840s in the cities of Mogilev and Mstislavl. During this period, he compiled his (unfinished) *Materials for an Explanatory Russian Dictionary*, i.e. four books that contained “regional, colloquial, and archaic words which were mostly found in Old Russian and Western Russian memorabilia”. While describing the areas of V. Prakhov’s dictionary research, the paper focuses on the regional lexis that was captured in his manuscripts, i.e. the colloquial words and phrasemes of the Vologda Region.

Władimir Miakiszew, Uniwersytet Jagielloński, Kraków – Polska.

В истории российской лексикографии рубеж XVIII и XIX века является особенно значимым периодом, поскольку именно в это время целеустремленно и системно закладывались основы отечественного словарного дела. Инициатором необыкновенно масштабной, как потом оказалось, кампании, выступила Академия Наук, успешно реализовавшая главный национальный лексикографический проект, которым стал *Словарь Академии Российской* (первое издание – 1789–1794, второе, расширенное и измененное в порядке расположения статей – 1806–1822). Уже в этом лексиконе были обозначены основные направления словарной работы: материалом для составителей САР послужили тексты как современных светских и духовных книг, так и памятников древнерусской письменности. Определенное отражение нашла здесь также простонародная и областная лексика. Такой контаминированный характер представления словарного запаса удерживался в российской академической лексикографии достаточно долго, до следующей значительной публикации Академии Наук – *Словаря церковнославянского и русского языка* (1847 г.). Вместе с тем уже во второй четверти

этого столетия была осознана необходимость иного – дифференцированного – подхода к исследованию и фиксации разнопланового материала.

За разработку сугубо исторической линии – представление лексики прежних эпох – взялись маститые лексикографы: А.Х. Востоков и И.И. Срезневский, но их труды увидели свет уже во второй половине XIX в. (*Словарь церковнославянского языка* А.Х. Востокова [1858–1861], *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам* И.И. Срезневского [1893–1912]). Исследованием же диалектной лексики сначала занялись в основном любители. В основу их стараний лег почин Московского университета, обратившегося к выпускникам с просьбой, чтобы они,

смотря по времени, склонности и случаю, взяли на себя благой и произвольный труд присылать от времени до времени в Собрание нужные и любопытные сведения о тех городах и местах, в которых они или живут, или среди которые им проезжать случилось либо случится, и именно относительно [...] к отечественному языку нашему [...]: разнообразные его наречия, корни слов, особенные изречения и обороты, пословицы, поговорки, прибаски и прочее¹.

Начинание было подхвачено другими университетами, что обещало, но совсем не гарантировало, успех предприятия. Вот как перспективы такой доморощенной лексикографии оценивал в то время проф. Казанского университета Г.И. Суворцев:

Мы наперед уверены, что она (наша мысль) не сбудется: потому что едва ли сыщется добровольный труженник [...], который бы принял на себя скучную обязанность шататься из угла в угол по России для собрания разноречий [...]. Что этого дела нельзя поручить людям всякого разбора, служит доказательством попытка нашего Университета, который [...] пригласил было штатных смотрителей и учителей своего Округа заняться собранием туземных слов, и что же вышло? Эти люди, считая общеупотребительным языком только книжный, прислали списки слов, вероятно потому признанных ими за областные, что не встречали их в печатных книгах².

Впрочем, со временем количество начинает переходить в качество: 40-е годы XIX в. отмечаются рядом интересных публикаций диалектного материала. Большинство из них достаточно фрагментарно представляло микросистемы говоров конкретных регионов. Так, Н. Борисов, проживавший несколько лет в Шенкурске Архангельской губернии, „имел случай собрать, между прочим, несколько (а точнее 336 – В. М.)

¹ См.: П.К. С и м о н и, *Русский язык в его наречиях и говорах*, вып. I, ч. I., Санкт-Петербург 1899, с. 59.

² Г.И. С у р о в ц е в, *Нечто о собрании областных слов*, „Ученые записки, изд. Имп. Казанским университетом“ 1839, т. II, с. 205–206.

простонародных слов, употребляемых в здешнем уезде”³, П. Кузмищев составил словарь камчатских диалектизмов⁴, примеры „провинциализмов” приводил в своем сочинении Ф. Буслаев⁵ и т. д.

В 1843–1844 гг. выходит двухтомный *Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народности*, составленный В. Бурнашевым⁶. 1844–1847 гг. знаменуют лексикографические публикации М. Макарова: *Краткий словарь народных речений*⁷ и *Опыт русского простонародного словотолковника*⁸. Лексиконы эти, составляемые по поручению Общества любителей Российской словесности при Московском университете, воспроизводят „простонародные” слова, бытовавшие на территории трех десятков губерний Российской империи. Объемный по замыслу *Словотолковник*, черпавший материалы преимущественно в *Трудах ОЛРС*, из-за смерти автора не был закончен; никто не внял предложению О. Бодянского, написавшего в послесловии к книге: „Весьма желательно было бы, чтобы кто-либо продолжил этот труд до конца, тоже преимущественно по тем же самым материалам”⁹.

Составлением диалектного словаря русского языка в это же время занималась и Академия наук, ее второе Отделение, однако два больших академических лексикона – *Опыт областного великорусского словаря*¹⁰ и *Дополнение*¹¹ к нему – вышли из печати уже во второй половине XIX в. – в 1852 и 1858 гг. В обоих случаях редактором подготавливаемых изданий был А.Х. Востоков.

Этот краткий экскурс в историю российской лексикографии показывает, что в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX века главным и едва ли не единственным опубликованным лексикографическим трудом являлся упомянутый выше *Словарь Академии Российской* (в первом и вто-

³ Н. Б о р и с о в, *Несколько простонародных слов, употребляемых в шенкурском уезде (Арханг. Губ.)*, „Отечественные записки” 1844, т. XXXII, „Смесь”, с. 82–90.

⁴ П. К у з м и щ е в, *Собрание особенных, или имеющих другое значение слов и некоторых выражений, употребляемых в Камчатке*, „Москвитянин” 1844, ч. II, № 3, с. 237–259.

⁵ Ф. Б у с л а е в, *О преподавании Отечественного языка*, ч. 2, Москва 1844.

⁶ *Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народности*, сост. В. Бурнашев, т. I–II, Санкт-Петербург 1843–1844.

⁷ М. М а к а р о в, *Краткий словарь народных речений*, „Маяк” 1844, т. XVIII, кн. XXXV, гл. V, с. 49–56; кн. XXXVI, гл. V, с. 143–150.

⁸ М. М а к а р о в, *Опыт русского простонародного словотолковника*, Москва 1846.

⁹ См.: там же, с. 181.

¹⁰ *Опыт Областного Великорусского словаря*, под ред. А.Х. Востокова, Санкт-Петербург 1852.

¹¹ *Дополнение к Опыту Областного Великорусского словаря*, под ред. А.Х. Востокова, Санкт-Петербург 1858.

ром его изданиях). Именно в это время создавался лексикон, которому уделим главное внимание.

Словарь В.И. Прахова хранится в Отделе рукописей РГБ. Это четыре тетради с вкладными листами (общей сложностью 241 лист без учета обложек), исписанные двусторонне на бумаге большого формата¹². При каталогизировании библиотечные специалисты обозначили рукопись как *Материалы для толкового словаря русского языка (слова областные, архаические, просторечные и т. д., извлеченные преимущественно из древнерусских памятников и памятников Западной Руси)*¹³. Представленные формулировки не совсем точно отражают основную направленность деятельности составителя, сориентированного преимущественно на регистрацию элементов живой разговорной речи и лишь в незначительной степени опирающегося на извлечения из памятников письменности. Рукопись датируется второй пол. 1830-х – первой пол. 1840-х гг.

Автором неоконченного и неопубликованного труда был Виктор Иванович Прахов (1803–1854), на тот момент могилевский, а потом мстиславский учитель словесности. Он вырос в Вохме Вологодской губернии в семье дьякона, закончил духовное училище в Великом Устюге, потом Вологодскую семинарию и, наконец, отделение словесности Московского университета. Как выпускник, получивший образование на казенный кошт, бывший семинарист был направлен на учительскую службу в Белорусский учебный округ, работал в Витебске и Вильне (1832–1836), Могилеве (1836–1840) и Мстиславле (1840–1848). В свободное от школьных забот время немного сочинял и переводил, а больше занимался любительскими исследованиями. Составлял комментарий к лексике *Слова о полку Игореве* и очень основательно анализировал текст Литовского Статута. Все эти начинания не были закончены. В 1848 году Виктор Иванович перенес холеру, следствием болезни был „мозговой удар” – инсульт. Работу в гимназии пришлось оставить, самостоятельные исследования тоже. Виктор Иванович переехал для лечения в Петербург, где вскоре умер¹⁴.

¹² Записи имеют рабочий характер. Автор нередко повторно обращается к толкованию зафиксированной прежде лексемы, уточняет формулировки, приводит новые иллюстративные контексты. Кроме того, едва ли не большая часть лексикона воспроизведена дважды – в черновом и переписанном начисто вариантах. Все это затрудняет определение общего объема словарного материала, поэтому – с опорой на приблизительные подсчеты без детальной систематизации данных – назовем цифру: около 3 тысяч статей.

¹³ Фонд 777-1-1: (буквы а–ж) 64 лл. + 14 лл. обл.; фонд 777-1-2: (буквы з–л) 54 лл. + 8 лл. обл.; фонд 777-1-3: (буквы м–п) 66 лл. + 8 лл. обл.; фонд 777-1-4: (буквы р–я) 57 лл. + 24 лл. обл.

¹⁴ См.: В.П. М я к и ш е в, Н.М. Ф е д о с о в а, „Слово о полку Игореве” в рукописном комментарии и судьбе анонимного исследователя XIX века, Воронеж 2000, с. 140–203.

Рукописный словарь В. Прахова содержит регулярные ссылки на употребление слов и выражений в Вохме, т. е. регионе, связанном с местом рождения учителя. При этом основное место в рукописи занимает лексика повседневного употребления вологодских простолюдинов и разночинцев. Здесь фиксируются названия утвари, посуды, пищи, одежды, обуви, атрибутов различных промыслов, ремесел и занятий, элементов народной духовной культуры, обрядов и суеверий. Но кроме этих этнографически маркированных слов в лексиконе обильно представлены единицы, отнюдь не принадлежащие к регионализмам. Их следовало бы отнести к разговорно-просторечному лексическому фонду, так во всяком случае они трактуются с позиций нынешнего дня.

Последняя оговорка представляется весьма существенной в силу разных интерпретаций понятия „просторечие“ – сегодняшней и принятой на рубеже XVIII–XIX века. Прежнее толкование этой категории вполне отражают представленные выше *Словари Академии Российской*, где пометами „простоначар.“ и „в простореч.“¹⁵ соответственно сопровождены такие единицы, как: *арава, балагур, гольтьба, егоза, калякаю, ма-ло-мальски, парень, шиш; огрыза, девка, куликаю* в значении ‘пью’, *пакостник, плакса, скряга, ослух, тараторю* и др.

Несомненно, мы имеем здесь дело с элементами не просторечия в привычном нам понимании, а наддиалектной разговорной речи, которая именовалась в ту эпоху „просторечием“¹⁶. Причины столь широкой трактовки понятия кроются в давнем противопоставлении

¹⁵ По наблюдениям Г.П. Князьковой, эти формулировки разнятся между собой:

Просторечие как функционально-стилистическая категория литературного языка объединяло в своем составе слова, квалифицируемые словарями [...] как „просторечные“, принадлежащие общей разговорной речи, и „простоначарные“, характерные для речи простого народа (крестьян, ремесленников, мещан и др.)

(Г.П. К н я з ь к о в а, *Русское просторечие второй половины XVIII века*, Ленинград 1974, с. 16).

¹⁶ См.: Б.А. Л а р и н, *Заметки о „Словаре обиходного языка Московской Руси“*, [в:] *Вопросы теории и истории языка*, Санкт-Петербург 1993, с. 6 (стоит, может быть, добавить, что само слово „просторечие“ образовалось из употреблявшегося в XVI–XVII вв. сочетания „простая речь“; первая же лексикографическая фиксация понятия отмечается в *Российском с немецким и французским переводом словаре* И. Нордсте-та, Санкт-Петербург 1780–1782). Ср. также высказывание В.В. Виноградова, касаю-щееся более позднего периода развития русского языка:

Карамзин и его приверженцы [...] поставили перед собой задачу – разобраться в том сложном и разнородном, не имеющем и во всяком случае не имевшем твердых границ потоке устной народной речи, который в ту пору обозначался именем просторечие

(В.В. В и н о г р а д о в, *Из наблюдений над языком и стилем И.И. Дмитриева*, [в:] *Мате-риалы и исследования по истории русского литературного языка*, т. I, Москва–Ленин-град 1949, с. 168).

слов „простых“ (русских, некнижных) „высоким“ (церковнославянским, книжным)¹⁷.

Под современную же трактовку просторечия – как специфической сферы обиходного, устно-разговорного, нелитературного, по преимуществу экспрессивного и часто вульгарного общения¹⁸ – в САР-1 и САР-2 подходит лишь небольшое количество примеров: *дрыхну* (гл. простонародн. уничижительный: сплю, провождаю во сне время), *харя* (речение, употребляемое из уничижения для означения дурного, непригожего, отвратительного лица), *жру* (гл. в просторечии употребляемый и значащий: много ем с жадностью. Говорится наипаче о некоторых животных, также и о людях с уничижением), *хрыч* (въ просторечии род брани. Презрительное название старику) и нек. др.

Академический словарь, следуя основной своей заданности, оказывается слишком „правильным“ и куртуазным для такой лексики. Здесь строго соблюдается принцип изъятия „всех слов и речей благопристойности противных“¹⁹. Весьма показательные в этом отношении иллюстрации дают, например, словарные статьи *задница* и *ягодицы*, ср.: *задница* – „Для соблюдения в словах благопристойности так в просторечии называется та часть нашего тела, на которой сидим“; *ягодицы* – „Самая нежная назади у человеческого туловища толстая, мясистая и обыкновенно туком наполненная часть, раздвоенная вдоль на две будто круглые подушки, которыми человек на что-нибудь садится“. Как видим, сам тон комментария оказывается в САР поистине академическим.

Иные приоритеты в подборе лексики и другой – более живой – способ представления обнаруживаем в рукописном словаре В. Прахова. Если САР не чурается областных слов только в тех случаях, когда они „своею ясностью, силою и краткостью могут служить к обогащению языка“, то у Прахова лексические единицы с пометами „народ. Вохма“, „Волог.“ составляют заметную часть всего собранного материала, напр.:

Бакулить гл. д. морочить, надувать, обманывать. Нѣтъ, брать, меня трудно бакулить. Онъ его бакулить. Народ. Вохма
 Бас`иться гл. воз. Казаться красивымъ, наряднымъ, наряжаться. Важничать. Волог. Оренб. Арханг.
 Бестужий ая, ое. Безстыжий. Экой ты бестужий! Бестужіе глаза! Вохма. Бестужій человекъ. Бестужая рожа. Отим. Фам. Бестужевъ

¹⁷ См.: Ю.С. С о р о к и н, *Разговорная и народная речь в Словаре академии Российской, [в:] Материалы и исследования...*, указ. соч., с. 100.

¹⁸ В.В. Х и м и к, *Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен*, Санкт-Петербург 2000, с. 10.

¹⁹ *Словарь Академии Российской 1789–1794*, т. 1, Москва 2001, с. IX.

Вавакать, вавакнуть произносить звуки, говорить невнятно, говорится о дѣтях. Перестань вавакать, Народ. Вохма. Эжъ онъ вавакаетъ. Какъ онъ вавакнетъ!
Ватага с. ж. 1) Артель, нѣсколько человѣкъ, соединившихся для какого-либо общаго дѣла или промысла. 2) По Волгѣ и Каспійскому морю называются мѣста, гдѣ рыбу ловягъ, 3) Семейство, семья. Велика ли у тебя ватага, ватажка? Народн. Вохма. 4) Толпа, множество. Такая валить ватага. Народн. Вохма.
Духомъ въ польск. duchem Сбѣгать духомъ. Сбѣгай живо, духомъ – тамъ нога, здѣсь другая. Народ. Вохма.
Копа ы Непроворный, неловкий человѣкъ, копунъ. Что это за копа! Народ. Вохма.
Неравн`о можетъ быть, если. Неравно ты заснешь. Вохма. Неравно упадетъ иб С`удень а, о нескл. Этотъ ножъ судень рубля. Эта лодка судна манету. Это вино и алтына не судно. Народ. Вохма.
Хвостить г(л.) с. лгать, врать. Не хвости. Ой, дѣва, ты схватила. Вохма.

Демонстрация образцов народной речи отнюдь не ограничивается у В. Прахова показом вологодской лексики. Едва ли не большее место в рукописном лексиконе занимают те самые – не относимые сегодня к регионализмам – разговорно-просторечные слова и выражения, которых сторонится *Словарь Академии Российской*.

Выделения в „праховском” материале заслуживают яркие экспрессивные и зачастую образные слова с обозначением действий, напр.:

Балабонить гл. говорить пустяки, пустословить, изъ пустого въ порожнее пересыпать. Народ.
Баламутить гл. д. Въ Польск. баламucić сбивать съ толку, съ пути, морочить. Что ты меня баламутишь? Онъ всѣхъ перебаламутить. Народ.
Бубнить Перестанешь ли ты бубнить? Вѣчно бубнишь одно и то же.
Бызоваться волочиться, таскаться. АК Сл. Нѣтъ. Блядоваться? Избызоваться.
Коряжиться кривляться, ломаться. Говорится о людяхъ: Что ты коряжишься. Не коряжься. Народ. Вохма.
Мерковать гл. ср. въ Винд. Merkatī, въ Карн. Merkatī, въ Кроат. Merkam; думать, понимать, смыслить²⁰.
Ошарашить кого Онъ такъ его ошарашить. Народ. Вохма.
Пыжиться тужиться Что ты пыжишься? Брюхо пыжится.
Собачиться шалить, своевольничать, огрызаться, ругаться. Не собачься. Что ты собачишься. Вохма.
Тибрить хватать, ухватить, похитить. Подтибрить что-нибудь у кого. Народ. Вохма.
Укокошить собственно значить успокоить, укрыть, перен. Причинить смерть. Я тебя укокошу.
Чухать понимать. Онъ ничего не чухаетъ.
Шарабашить Что ты тамъ шарабашить? Не шарабашь. Народ.

²⁰ Под перечисленными названиями славянских наречий скрываются: диалекты словенского (виндийский и краинский) и хорватский язык.

Шарахнуть Онъ такъ ихъ шарахнулъ, что они и своихъ не узнали. Народ.
Шарахнуться. Какъ онъ, батюшка, шарахнется, такъ искры изъ глазъ посыпались.

Одним изъ занятий, проявления котораго наиболее ярко зафиксированы с помощью разговорно-просторечной лексики, предстает процесс употребления спиртных напитков:

Клюкать, клокнуть Въ Польск. kłukać пить, издавая звукъ клокъ, клокъ. Онъ порядочную чару клокнулъ. Наклокался напился. Народ.
Куриль наст. курю, ишь, игъ, пьянствовать, гулять, кутить. Закурить, подкурить, прокурить.
Натрескаться гл. ср. наѣсться или напиться чрезъ мѣру. Такъ натрескался, что безъ чувствъ лежитъ. Народн.
Нажраться гл. ср. То же, что натрескаться.
Налопаться гл. ср. То же, что нажраться.
Суслить пить, насуслиться напиться.

Отраженная в глаголах интенсивность „пропускания стаканчика“, равно как количество выпитого, предопределяет степень опьянения – от: *Тверезой ая, ое Трезвыйй. А когда тверезой, такъ и не узнаешь, равно другой человекъ, через: Росхмѣль Нѣтъ, онъ не пьянь, а только въ росхмѣль* к стадии: *Стелька Какъ стелька пьянь. Стелька стелькой. Народ. Вохма.* (В словаре, правда, запечатлено еще одно – крайнее – следствие злоупотребления спиртным: *Заправски ая, ое, пр. обл. настоящій. Этотъ къ заправскимъ пьяницамъ не принадлежалъ, и теперь напился вина, водки, что Богу и душу отдалъ. АС нѣтъ*).

Достаточно широко у Прахова представлены определения людей по каким-либо отрицательным качествам, напр.:

Байбакъ -а, м. лѣнинець, пустой, незаслуживающий вниманія человекъ. А тѣхъ намъ байбаковъ астроханскихъ кого и слушать? Экой ты байбакъ! Народ. Вохма
Бутусь, бутуситься. Экой ты бутусь! Что ты бутусишься? Не бутусься. Вохма. А.С. нѣтъ .
Дурандасъ а, м. дурень. Онъ таки порядочный дурандасъ. Народ.
Тюря Экой ты тюря! Народ. Вохма.
Халда с. общ. Наглый, безстыдный, дерзкий человекъ! Экая халда! Говорится о мужчинѣ и о женщинѣ. Народ.
Халтурникъ с. м. любитель пировъ, человекъ, любящій попить и поѣсть на счетъ другаго. Экой ты халтурникъ! Вохма. Ale tobie widze, iako staremu piruznikowi, albo chwturnikowi, nie o powage swiętą, ale barziew o kiermaszu idzie. Pim. 332.
Халява ы, м. общ. Въ Польск. cholewa, неряха, неопрятный человекъ. Экая ты халява! Народ. Арх. Вологод. Вохма. Малор.
Шмында Экая ты шмында! Шмында ты, шмында моя! Шмынды бити – вздъ да впередъ ходить, шататься, таскаться понапрасну.

Имеется группа не самых изысканных наименований частей тела, напр.:

Башка и. ж. Видно, братъ, въ башкѣ-то у ты пусто.

Мамонъ а, м. брюхо, желудокъ. Экъ набить ты свой мамонъ. Вохма.

Хайло горло.

Шары овъ, м. множ. Такъ называются презрительно глаза. Въ Литов. Aszaras слеза²¹. Эжъ ты шары-то выпучить. Отъ твоихъ шаровъ никуда не скроешься.

При желании в *Материалах* В. Прахова можно усмотреть промежуточные стадии развития некоторых слов, ныне соотносимых с современным жаргоном.

Братанъ а. с. м. Двоюродный братъ. Это мой добрый братанъ. Волог. Губ. Вохма, Сибирь, А совсемъ не братаничъ. Церк. братнинъ сынъ, племянникъ. Ошибка сотрудника составленія АС.

Забѣдно оскорбительно, огорчительно, больно, прискорбно. Не то мнѣ доброму молодцу забѣдно, Что царь меня на службу ту посылаетъ, А то мнѣ доброму молодцу забѣдно Отецъ матери старешеньки остаются, Мнѣ жъ забѣдно... Вохма

Кантовать (знач. въ Слов. другое) въ Далм. Kanta сосудъ для питья, у лит. Kapev гулять, веселиться, пировать²². Они цѣлую ночь прокантовали. Онъ цѣлую жизнь кантоваль. Славно тамъ кантовали. Народ. Не долго намъ здѣсь кантовать. Полно вамъ кантовать. Вишь какъ раскантовался. Погоди еще не кантуй. Крутой, ая, ое Литовск. Graytas, скорый, быстрый, проворный.

Кручѣ нар. Литовск. Graytau, greuciau скорѣе, проворнѣе.

Лафа ы, ж. въ Польск. lafa. Линде, основываясь на мнѣнїи Чарторыйскаго, производить это слово отъ турецкаго, гдѣ оно будто бы значить денежную плату, выдаваемую помѣсячно слугамъ, но это едва ли такъ²³. Экая, братецъ, лафа-та. Что тогда была намъ за лафа! Ужъ такой лафы намъ не будетъ. Народ.

Многие из приводимых выше статей отражают еще одну из характеристик праховского лексикона: открытость на разговорно-просторечную фразеологию. В рукописи довольно часто фиксируются и иногда комментируются устойчивые обороты, поговорки и пословицы, напр.:

²¹ Привлечение литовского материала в данном случае не является корректным. Ср. статьи из этимологических словарей: М. Ф а с м е р, *Этимологический словарь русского языка*, т. IV, Москва 1987, с. 406 и E. F r a e n k e l, *Litauisches Etymologisches Wörterbuch*, Band I, Heidelberg 1962, с. 18.

²² Ср. этимологическую справку М. Фасмера: „кант II. – «хвалебная песнь, духовная песнь», церк., укр. кант. Через польск. kant из лат. cantus «пение» от canō, -ere «петь»” (М. Ф а с м е р, *Этимологический словарь русского языка*, т. II, Москва 1986, с. 181).

²³ S.B. L i n d e, *Słownik języka polskiego*, t. I, cz. 2, Warszawa 1808, с. 1215.

Батько Стара собака, да не батькой звать. Посл.

Башь АК Сл. Нѣтъ. Башь-на-башь. Поменяемся башь-на-башь. Народн.

Брага и. ж. родъ пива, пиво. При пивѣ при брашкѣ все дружки; при горѣ, кручинѣ нѣтъ ниоднаго. Послов.

Изживать сживать, збывать. Этого знач. нѣтъ въ Слов. Лихое споро, не изживешь скоро. Послов. Не изживай постылаго, не возметъ Богъ милаго. Послов.

Его не изживешь. Не изживай другаго, самъ не умри. Что меня изживаешь?

Кукса тотъ, у кого безъ пальцевъ руки или рука. Безпальный. И кукса по пальцамъ перечесть. Такъ просто, что неспособный чловѣкъ можѣтъ то сдѣлать.

Молчанка и, ж. Играть въ молчанку. Что вы? Играете в молчанку? Народн.

Посконь Щеголь и собака, посконная рубаха. Лъну и поскони Гр. 1559.

Ребриться гл. ср. храбриться, пѣтушиться. Днемъ курица ребриться, а къ ночи въ уголь садится.

Сарынь толпа буяновъ, сорванцовъ, удалые. Сарынь на кичку. Экая валить сарынь. Народ. Вохма Что ты сдѣлаешь съ такой сарынюю.

С'овокъ совкїи Совокъ да не ловокъ. Посл.

Срокъ. Дай срокъ, не сбей съ ногъ.

Чуча Чуча въ кучу. Поговорка. Знач. одинъ другаго стоять.

Заключая представление наиболее интересной в нашей оценке части неоконченного лексикографического труда мстиславского исследователя-любителя, отметим, что собранные им *Материалы* не стоит рассматривать исключительно как историческую реликвию, звено в длинной цепочке ранних рукописных собраний вологодских диалектных слов. Этот словарь, как и многие прочие, имеет самостоятельную ценность, поскольку, отражая живой язык стосемидесятилетней давности, показывает, что речевая дистанция между нами и современниками В. И. Прахова не столь уж велика.

В одной из тетрадей представленных *Материалов*²⁴ имеется более поздняя запись, сделанная Виктором Праховым уже в Петербурге и датированная 5 ноября 1852 г.: „Для филологїи, для филолога нѣтъ въ языкѣ ни одного слова, которое бы можно было назвать маловажнымъ“. Лексикографический труд провинциального учителя лишний раз подтверждает правоту этого суждения.

²⁴ Это тетрадь № 3, здесь помещена лексика на буквы М-П, с. 56.